

ЯНА ЮМАТОВА

БЫВШИЙ,
спаси мою дочь!

Яна Юматова

Бывший, спаси мою дочь!

«Автор»

2026

Юматова Я.

БЫВШИЙ, спаси мою дочь! / Я. Юматова — «Автор», 2026

Я поклялась, что никогда больше не приду к нему. Ни за деньгами, ни за помощью. Но у моей дочери восемь месяцев очереди — и три месяца жизни. — Кто это? — он смотрит на фото, и лицо у него не меняется. — Девочка, которой срочно нужна операция. — И при чём тут я? — У тебя связи. Ты можешь ускорить. — Допустим. Но зачем мне это? — Затем, что это твоя дочь. Я знаю, что согласится. Вопрос только в том, какую цену он назовёт — и хватит ли мне, чтобы расплатиться.

© Юматова Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Яна Юматова

БЫВШИЙ, спаси мою дочь!

Глава 1

Восемь сорок пять вечера, и мой офис почти опустел — только Марина на ресепшене всё ещё перебирает какие-то бумаги, хотя рабочий день закончился два часа назад. Я давно перестал её за это благодарить — это просто часть привычного порядка, как всё в моей жизни.

Стою у панорамного окна и смотрю на город внизу. Огни, движение, люди, которые куда-то спешат. С высоты двадцать второго этажа это выглядит как живая схема — предсказуемая, управляемая и понятная. Мне нравится эта высота. Здесь всё на своих местах, и я точно знаю, что будет завтра, послезавтра и через месяц.

Послезавтра — встреча с партнёрами из Дубая. В субботу — ужин с Мариной и её родителями. Через три месяца свадьба, которую уже успели упомянуть во всех деловых и светских изданиях. Карина Вольская — умная, красивая женщина, и наш союз закрывает сразу несколько вопросов, которые иначе мне пришлось бы решать годами. Мы подходим друг другу — это не романтика, а точный расчёт, в котором я разбираюсь куда лучше, чем в чём-либо другом.

Я доволен. Счастье — категория неточная, размытая и чертовски ненадёжная, поэтому это определение к своей жизни никогда не применяю. Я предпочитаю точность.

Когда в дверь стучат, я не оборачиваюсь сразу.

— Святослав Игоревич, — голос Марины звучит немного растерянно, — к вам посетитель. Без записи. Я объяснила, что вы заняты, но она настаивала...

— Кто?

— Алёна Стоянова.

Ни одним жестом я не выдаю себя, продолжая безразлично пялиться в окно, на огни внизу, которые не меняются и не реагируют на то, что внутри меня как будто разбилось что-то при звуке этого имени. Я слегка удивлен собственной реакцией, ведь за семь лет я убедил себя, что все забыл.

— Пусть войдёт, — произношу, не поворачиваясь к секретарше.

Я слышу, как открывается дверь, легкие шаги почти беззвучные тонут в приглушенном свете огромного кабинета. Угадываю, когда она доходит до стола, и только тогда поворачиваюсь.

Алена изменилась. Тогда ей было двадцать два, и в ней жила какая-то незащищённость, которую я замечал, но не берёг. Сейчас передо мной стоит уверенная женщина с прямой спиной и спокойным взглядом зелёных глаз. Светлое пальто, волосы убраны, никаких неловких движений. Она не нервничает, и это первое, что я замечаю.

— Святослав, — говорит она.

— Алёна, — парирую я и указываю рукой на кресло у стола. Она садится, ставит на колени небольшую сумку, достаёт картонную папку и кладёт её на стол.

— Открой, — говорит она.

Подхожу и читаю медицинское заключение: врождённый порок сердца. Критический стеноз. Без хирургического вмешательства прогноз неблагоприятный.

— Это кто? — поднимаю на нее взгляд.

— Девочка, которой срочно нужна операция, — отвечает Алена. — Очередь в государственной клинике — восемь месяцев. Столько времени у неё нет.

— Ты пришла ко мне как к благотворителю? — вопросительно поднимаю бровь.

— Нет.

— Тогда как?

— У тебя есть выходы на клинику Мельникова, — говорит она. — Ты можешь ускорить операцию. Я знаю, что можешь.

— Допустим. Но зачем мне это?

Она молчит ровно секунду — и эта секунда весит больше, чем весь предыдущий разговор.

— Это твоя дочь, — говорит Алёна.

Тишина.

Я не двигаюсь и не отвечаю. Сканирую ее лицо — ищу дрожь в голосе, расчёт в глазах, какой-то след манипуляции, за который можно зацепиться. Ничего. Она произносит это так же ровно, как говорила про очередь в клинике, — как факт, который существует независимо от того, удобен он мне или нет.

— Не надо... — говорю я с тихим предупреждением.

— Ей шесть лет, — Алёна не дает мне договорить.

И вот здесь что-то во мне останавливается.

Проверяю дату рождения девочки в медицинском заключении. Математика простая и безжалостная. Алёна объявила о расставании семь лет назад. Я тогда решил, что она не выдержала мой темп или статус. Объяснений у нее не просил, потому что это — ниже моего достоинства. Просто перелистнул страницу и жил дальше, каждый день вырезая из сердца зачатки чувств к милой блондинке, которая начала стремительно занимать все мои мысли и пробуждала в черством холостяцком сердце непозволительные слабости.

— Почему ты не сказала раньше?

Я слышу свой голос и не узнаю его — в нём нет привычного холода, есть что-то другое, чем я не хочу давать название.

Она смотрит на меня долго, прежде чем ответить.

— Потому что думала, что справлюсь сама.

Внезапно внутри вспыхивает ярость на Алёну. Семь лет назад она оборвала отношения, а сейчас из-за ее поступка жизнь моего ребенка висит на волоске. Пусть, я узнал о дочери три минуты назад, но собственническое чувство бурлит в крови и заставляет злиться.

Эта ситуация не была мной запланирована заранее, и риски тоже не были мной просчитаны. И это все меня раздражает. Мне стоит неимоверных усилий сдержаться и не вытрясти из Алёны душу, а заодно и объяснения.

Пока я борюсь с собой, Алёна встаёт, кладёт на стол небольшую карточку с номером и застёгивает сумку.

— Когда решишь — позвони.

— Я уже решил, — чеканю я. — Мне нужен тест ДНК. Завтра с тобой свяжутся.

Она останавливается и смотрит на меня — спокойно, без ожидания и без надежды, словно давно уже не ждёт от меня ничего конкретного.

— Хорошо, — отвечает она и уходит.

А я понимаю, что сегодня ночью не усну.

Глава 2

Алена

Возвращаюсь домой, когда все уже спят. Разувшись, несколько секунд просто стою на холодном полу, прислонившись спиной к двери. Ноги держат меня, и это уже хорошо. Я не была уверена, что они будут держать, когда ехала к нему.

Из детской доносится тихое посапывание. Захожу на цыпочках, поправляю одеяло, смотрю на Анечку в полутьме — на её тёмные волосы, разметавшиеся по подушке, на плотно сжатые во сне кулачки. Она всегда так спит, словно за что-то держится. Я провожу пальцем по её щеке, стараясь не разбудить, и чувствую, как всё то, что я так старательно удерживала внутри последние три часа, начинает медленно подниматься к горлу.

Усилием воли беру себя в руки. Не здесь и не сейчас. Мне некогда быть слабой.

В зале на диване спит мама. Я укрываю ее пледом и иду на кухню ставить чайник. Руки не дрожат — это я тоже отмечаю почти с удивлением. Я готовилась к этому разговору две недели. Репетировала интонацию, выбирала слова, представляла, как войду в его кабинет и не позволю себе ни одного лишнего движения. Потому что знала: стоит мне дрогнуть хоть на секунду — и всё, я потеряю то единственное, что у меня осталось после всего этого. Своё достоинство.

Чайник закипает. Завариваю ромашку, обхватываю кружку ладонями и думаю о том, что я сделала сегодня вечером.

Я пришла к нему сама. После семи лет.

Есть вещи, которые легко объяснить чужим людям, и совсем невозможно — себе. Вот, например: я никогда не считала себя гордой женщиной в плохом смысле этого слова. Я не из тех, кто умирает от жажды в пяти метрах от колодца, потому что попросить воды — ниже достоинства. Я умею просить о помощи. Умею говорить спасибо. Умею признавать ошибки.

Но к обратиться нему я не могла. Не имела права — так мне казалось все эти годы.

Два месяца назад, когда после очередного визита к кардиологу Анечке поставили диагноз и объяснили мне, что это значит и каков прогноз без операции, я сидела в коридоре больницы на пластиковом стуле и долго смотрела в стену перед собой. Потом достала телефон, позвонила маме и попросила забрать Аню. А сама вернулась к врачу и попросила рассказать мне всё ещё раз подробно.

Я всегда так справляюсь. Сначала факты, потом чувства — и только в одиночестве, когда никто не видит.

Восемь месяцев в очереди. Восемь месяцев, которых у моей девочки нет. Я обзвонила все клиники, до которых смогла дотянуться, узнала цены и сроки. Написала в три благотворительных фонда — два не ответили, третий ответил через три недели стандартным письмом с отказом. Я откладывала деньги с тех пор, как Аня появилась на свет, но того, что у меня есть, не хватает даже на треть стоимости.

Его имя я произнесла вслух впервые за семь лет примерно через месяц после постановки диагноза. Мама начала тот разговор, что пора обратиться к отцу Анечки.

Я проводила маму, а сама произнесла его в пустой кухне, когда Аня спала, просто чтобы проверить, как это — произнести и не почувствовать боли. Но боль была. Она стала тупой, привычной и почти управляемой.

Ещё через две недели я нашла его офис.

Я пришла, потому что у него есть возможности, которых нет у меня, и потому что речь идёт о жизни Анечки. Это не гордость и не слабость — это просто здравый смысл. Но где-то глубоко, в том месте, куда я стараюсь не заглядывать, я знаю, что это стоило мне больше, чем я готова признать.

Семь лет назад я ушла от него сама. И не потому, что он меня обидел или предал — всё было куда проще и куда больнее.

Мы встречались четыре месяца. Я тогда работала в небольшом ивент-агентстве бухгалтером, он — уже был тем, кем является сейчас, только моложе и, как мне казалось, чуть менее закрытым. Я влюбилась быстро и глупо, как умеют влюбляться только в двадцать два года, когда ещё веришь, что сильное чувство само по себе что-то значит. Святослав не говорил мне красивых слов — он вообще был немногословен — но иногда смотрел так, что я была уверена: это настоящее. Что бы это ни значило.

А потом однажды вечером, когда я была у него, ему позвонили. Я не слышала всего разговора — только несколько коротких фраз. Я спросила, кто звонил. Он ответил без тени смущения: мать интересовалась, когда он наконец займётся серьёзными отношениями, и перестанет тратить время на «временных женщин».

Временных.

Он, кажется, даже не понял, что я услышала. Или понял, но не счёл нужным объяснять.

Я тогда ничего не сказала. Просто кивнула, взяла сумку и поехала домой. А на следующий день Виктория Валерьевна собственной персоной приехала ко мне на работу и за чашкой кофе в деталях обрисовала мою будущую жизнь в случае, если я буду цепляться за ее сына.

— Ты — всего лишь простая наивная девчонка, а Святославу нужна рядом достойная женщина, знающая все правила нашего круга, — сказала она тогда. — Ты хочешь через полгода после свадьбы получать анонимки с фотографиями твоего мужа с любовницами? А они у него будут! Он — бизнесмен, ему нужно стресс снимать. И скандалы от жены ему ни к чему.

В тот момент я ощутила, что у кофе отвратительно горький вкус.

А несостоявшаяся свекровь добавила, стараясь подсластить пилюлю:

— Алена, ты можешь считать меня врагом, но на самом деле я не желаю тебе зла. Поверь, жизнь в качестве жены моего сына не принесет тебе счастья. Ты слишком... — женщина с идеальной укладкой и заколотым ботоксом лицом задумалась, подбирая слова, — слишком нежная и мягкая. Жизнь с миллиардером размажет тебя. Подумай о моих словах.

Я подумала. И когда Свят позвонил и попросил встретиться для важного разговора, я поняла, что именно он хочет сказать.

Второй раз услышать, что я слишком простая для успешного бизнесмена, не хотелось.

Поэтому первое, что я сказала Святославу, придя в кафе, что я с ним расстаюсь. А он даже не спросил почему. Только в синих глазах появился лед, который только начал таять после нашего знакомства. Я убежала из кафе, спасаясь от ставшего ненавистным запаха кофе. Меня никто не догонял.

А через три недели поняла, что беременна.

Я не звонила ему. Некоторые скажут, что это было неправильно, что он имел право знать — и, наверное, они правы. Но я тогда не думала о правах. Я думала о том, что своим поведением он объяснил мне достаточно ясно, кем я для него являюсь. И я не собиралась врываться в его жизнь с новостью, которую он воспримет как проблему, требующую решения. Меньше всего я хотела, чтобы мой ребенок стал проблемой, которую решают.

Я доработала до декрета и уехала к маме в Подмоскovie, чтобы родить Аню. Начала жить заново.

И всё бы у меня получилось, если бы не этот диагноз.

Сегодня в его кабинете я смотрела на него и думала только об одном: держись. Не давай ему увидеть, чего это тебе стоит. Не потому, что мне важно выглядеть сильной перед ним — мне давно уже не важно, как я выгляжу в его глазах. А потому, что если я сломаюсь, то стану жалкой.

Он спросил, почему я не сказала раньше. И я ответила правду — ту её часть, которую он способен услышать. Про то, что остальное я ему не сказала — про беременность в одиночку,

про то, как рожала без него, про два года, когда я иногда ночью смотрела на Аню и думала, правильно ли я поступила, — это не его история. Это моя ответственность.

Допиваю чай и иду проверить Анечку ещё раз.

Она перевернулась на бок, одна рука под щекой. На тумбочке — рисунок, который она сделала вчера: домик, солнце, три фигурки. Я, Аня и кто-то третий — высокий, с тёмными волосами. Она давно рисует этого третьего, просто никогда не называет его по имени.

Стою в дверях и смотрю на дочку, и чувствую, как всё, что я сдерживала весь вечер, наконец отпускает какой-то усталостью, которая оседает где-то в костях.

Я сделала то, что должна была сделать. Теперь остается только ждать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.